Хиландаром и русским монастырем должны были быть особенно живыми и деятельными в то время, когда последний испытал на себе «от Русие вьсеконьчьно оставление» — как об этом сказано в хрисовуле царя Душана, принявшего на себя звание ктитора монастыря св. Пантелеймона (1349 г.).[18] В те годы и перевод «Истории» Иосифа Флавия мог попасть в хиландарскую библиотеку. Ведь в послесловии священноинока Григория к сербскому переводу «Истории» Флавия отнюдь не сказано, что книги, которую он так тщательно искал на сербском языке, не было на Афоне на русском языке. Там сказано только, что книга привезена была из Русской земли. Когда и при каких обстоятельствах это произошло, не говорится. Зато в записи указано, что книга эта была очень трудной «нашему срьбскому езыку на чтение» и многие не знали, что читают, ибо не понимали по-русски. Это не удивительно, поскольку прошло уже более двухсот лет со времени жизни Даниила и его ученика. За это время Хиландар перестал быть тем культурным сербским центром, каким он являлся в XIII—XIV вв., когда в нем подвизались Доментиан, Даниил и старец Исайя. Кроме того, язык русского перевода труда Иосифа Флавия, понятный Доментиану и Даниилу, сделался труднопонимаемым для полуобразованных сербских монахов XVI в. Поэтому можно предположить, что русский перевод «Истории» Флавия уже задолго до XVI в. находился на Афоне (быть может, и в самой хиландарской библиотеке), почти никем не читаемый. И только инок Григорий, после того как он в первый раз побывал на Руси и там «привык немного русского языка», обнаружив это произведение, заинтересовался им. Не владея еще в совершенстве русским языком, он начал поиски, надеясь где-нибудь отыскать «сербский извод» «Истории» Флавия. Лишь после долгих и тщетных поисков, вернувшись из второй поездки в Россию, он стал списывать книгу «сербскими речми».

Возможно, что ученик Даниила II мог использовать в качестве источника и русский перевод «Истории Иудейской войны». Совпадения же в тексте Жития и «Летовника», при наличии более древнего списка последнего (нежели список Московской Синодальной библиотеки № 148), говорят о том, что сербская редакция «Летовника» могла возникнуть во время деятельности ученика Даниила II и даже могла принадлежать ему же.

Более тщательный стилистический и языковый анализ Жития архиепископа Даниила, цетиньского списка «Летовника» и «Истории Иудейской войны» в русском переводе могут подтвердить либо опровергнуть результаты наших наблюдений.

---

[18] Т. Флоринский. Памятники законодательной деятельности Душана, царя сербов и греков. Киев, 1888, стр. 63.